

«мытьё головы» от *a la* «мыть» (*lăut* «вымытый»), ст.-рум. (XVI—XVIII вв.) *lăutoriu* «таз», *știutură* «знание», истрорум. *beutic* «питьё», мегленорум. *bîiutură* «питьё» и пр.¹. Такого рода производные — остаточное явление, непродуктивное в современных балканороманских языках. Существование их показывает, что в народной латыни Балканского полуострова перестройка модели словообразовательных типов на *-tor*, *-tura* и т. д. произошла (или закончилась) позже распространения третьих глагольных основ на *-ut*.

На основании этих данных можно предложить такую относительную хронологию перестройки словообразовательной модели типов на *-tor*, *-torius*, *-tio*, *-tura* и пр.: в народной латыни Запада — до распространения причастий на *-ut*, в языке Мезии и Дакки перестройка модели завершилась позже распространения третьих основ на *-ut*. Выше были приведены доводы в пользу предположения, что распространение *ut*-причастий началось не позже V—VI вв.

А. Б. Долгопольский

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Ведийское *ari-*, осетинское *æcægælon*

Древнейший памятник арийской (индо-иранской) литературы Риг-Веда более полутора столетий находится в поле зрения европейской филологии и служит предметом напряженного и неутомимого исследования. Но и по сей день исследователи Риг-Веды сталкиваются с серьезными трудностями. Вышедший в 1923 г. перевод Риг-Веды К. Гельднера (K. Geldner) был оценен как «самая зрелая и совершенная интерпретация, какую можно себе представить» («...die reifste und vollkommenste Interpretation des gesamten Rigveda, die sich denken lässt...»)². Сам К. Гельднер в послесловии к переводу называет его весьма скромно «всего лишь новым опытом истолкования» («nur ein erneuter Erklärungsversuch»). Действительно, в отношении Риг-Веды (как и в отношении Гат Зороастра) пока можно говорить не о переводе, а только об опытах истолкования.

Для того чтобы говорить о переводе, необходимо, прежде всего, установить с возможной точностью значение всех слов или во всяком случае более употребительных и существенных для понимания текстов. Между тем, этого-то пока и нет. Даже в отношении таких фундаментальных понятий как *brāhman-*, *ṛtā-*, нет единодушия в ведийской экзегезе. Значения многих других слов получают в разных переводах и в разных словарях весьма различные, плохо между собой согласующиеся определения. Больше того, один и тот же переводчик или лексиколог приписывает одному и тому же слову в разных контекстах столь различные, нередко исключаящие друг друга значения, что возникает сомнение в правильности понимания соответствующих текстов. Значение, которое представляется весьма подходящим для одного места, совершенно бессмысленно в другом месте, и для того, чтобы добиться подобия смысла, приходится подставлять уже другое, весьма отдаленное от первого значение. В результате возникает мнимая «полисемия» (точнее — «аллосемия»), которая очень часто указывает не на действительную разнозначность ведийских слов, а на несовершенство методов интерпретации.

Значения слов каждого языка в каждую эпоху его жизни неразрывно связаны с реалиями, т. е. с жизнью и бытом народа, его социальными институтами, его материальной и духовной культурой. Поэтому одним из важнейших путей преодоления тех трудностей, которые стоят перед ведийской (и не только ведийской) экзегезой, является пристальное внимание к тем условиям исторической действительности, быта, нравов, воззрений, в которых жил арийский народ, создавший гимны Риг-Веды.

Примером исследования, где чисто филологический анализ, подкрепленный учетом исторической действительности, позволил выйти из тупика в интерпретации пе-

¹ См.: O. Densușianu, Histoire de la langue roumaine, t. II, Paris, 1938 (обл.: 1914), стр. 335, 413; S. Puscariu, Studii istroromâne., III, București 1929; Th. Capidan, Meglenoromîni, III — Dicționar meglenoromîn, București [1935].

² «Orientalistische Literaturzeitung», Jg. 27, № 8, 1924, стб. 483.

скольких важных ведийских слов, является работа П. Тиме (P. Thieme), посвященная ведийским *ari*, *arya*, *aryaman* и *ārya*¹.

Ведийскому слову *ari*- давались до Тиме весьма различные значения: «враг» (Рот, Грасман, Гельднер), «хозяин, патрон» (Гельднер), «благородный, господин» (Нейссер), «бедный, скупой» (Верген, Ольденберг), «жадный» (Грасман), «преданный, верный» (Рот), «благочестивый» (Грасман), «безбожный» (Грасман). Найти общий семантический стержень для таких далеких значений нелегко.

Проанализировав заново все места, где встречается слово *ari*-, Тиме установил, что есть одно значение, которое, будучи подставлено вместо приведенных выше переводов, дает удовлетворительный смысл во всех или почти во всех случаях. Это значение — «чужак», «пришелец», «иноземец» («Fremdling»). Тиме убедительно показывает, что в условиях ведийского быта, межплеменных отношений, то дружественных, то враждебных, «пришелец», «чужак», «иноплеменник» был в глазах племени фигурой значительной, привлекавшей пристальный интерес и внимание. Если он являлся как друг и гость, ему оказывали теплый прием и покровительство. Если он приходил как враг и потенциальный разрушитель благополучия племени, его боялись и ненавидели. Отсюда та пестрота значений, зачастую их полярная противоположность, которые приходилось давать слову *ari*- в разных контекстах.

Ведийское *aryá*-(от *ari*-, как, скажем, *ārya*- «овечий» от *āvi*- «овца») разъясняется как «имеющий отношение к пришельцам», «благосклонный к пришельцам», «гостеприимный». Отсюда *ārya*- «ариец», первоначально «гостеприимный» (в противоположность негостеприимным «варварам») и *aryamān*- «хозяин, принимающий гостя», а также «божество гостеприимства».

Предложенная Тиме интерпретация ведийского *ari*- и производных от него *aryá*-, *aryamān*-, *ārya*- была благосклонно встречена специалистами. М. Майргофер в древнеиндийском этимологическом словаре безоговорочно принимает значения, установленные Тиме².

Но есть одно обстоятельство, которое в известной мере ослабляет убедительность выводов Тиме: ни в каком другом арийском языке, кроме ведийского, Тиме не мог найти для *ari*- и его дериватов значения «чужак», «пришелец» и пр. Между тем если это значение было, как думает Тиме, древнейшим, мы вправе ожидать, что оно всплыло бы в каком-либо из мертвых или живых индо-иранских языков. Если бы в каком-либо языке (или языках), помимо ведийского, удалось обнаружить рефлексы арийского *ari*- и его дериватов в значениях «пришелец», «чужеземец», «чужак» и т. п., это было бы существенным, можно сказать, решающим подтверждением правильности предложенной Тиме интерпретации.

В ходе исследования Тиме привлекает два факта из новоиранских языков: персидское *ērman* «гость» и осетинское *limæn* «друг»³. Оба эти слова он (вслед за другими авторами) связывает с ведийским *aryamān*-.

В отношении персидского *ērman* этимология не вызывает сомнений. Но и здесь мы значения «чужак» и пр. не находим: между значениями «гость» и «чужак» остается хоть небольшая, но заметная дистанция.

Что касается осетинского *limæn* «друг», то привлечение его в данной связи ошибочно. К арийскому *aryamān*-осет. *limæn* никакого отношения не имеет. Оно восходит к иран. **frisiyamana*- от глагола *frī*- «любить». В скифских собственных именах сохранилась как форма *liman*, так и переходная форма *liman*⁴. Тем самым устраняются всякие сомнения относительно этимологии осетинского *limæn*.

Но есть в осетинском другое слово, которое, по нашему мнению, имеет прямое отношение к ведийскому *ari*- и подтверждает правильность толкования последнего как «чужак», «чужеземец» и пр. Это осет. *æcægælon*, которое означает «чужой» в применении только к человеку, народу или стране. По значению оно противопоставлено слову *xiŋ* «свой». В зависимости от того, что имеется в виду под *xiŋ* — семья, род, нация, страна, — *æcægælon* может означать либо «чужой» в отношении семьи, «посторонний», либо «чужой» в отношении рода, принадлежащий к другому роду, либо «чужой» в смысле чужого народа или чужой страны. Каждое такое употребление можно иллюстрировать примерами: *binonty xsæn æcægælony mitæ kæny* «среди членов

¹ P. Thieme, Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte *ari*, *arya*, *aryaman* und *ārya*, Leipzig, 1938 («Abhandl. für die Kunde des Morgenlandes», XXIII, 2).

² M. Mayrhofer, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lief. 2, Heidelberg, 1953, стр. 49, 52, 79. Майргофер сближает этимологически ведийскую группу слов с латинским *alius* «другой», *alienus* «чужой» и пр.

³ P. Thieme, указ. соч., стр. 102, 103, 148.

⁴ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 165, 166, 213.

семьи он ведет себя как чужой (посторонний); *xionæj, æcægælonæj iwyldær fæfædis sty* «и свои и чужие все кинулись на тревогу»; *K'ostaj ingænyl iron adæmnæ fælæ æcægæletlæ dær sizgæ cæssyg kaldtoj* «над могилой Коста не только осетины, но и чужие (иноплеменники) проливали жгучие слезы»; *æcægælon adæm, æcægælon bæstæ æxsnyfæj nywazunc tæw iŭg* «чужие люди, чужая страна питают ко мне смертельную ненависть» (буквально «пьют мою кровь») (Коста Хетагуров, Собр. соч., т. I, М.—Л., 1939, стр. 33).

Анализ осет. *æcægælon* не представляет трудностей. Мы имеем сложение двух элементов: *æcæg* и **ælon*; *æcæg* — живое осетинское слово, означающее «истинный», «истинно», «действительно»; оно восходит к иран. **hatyaka-*; ср. авест. *haiθya-*, др.-инд. *satyā-* «истинный». **ælon* в современном языке самостоятельно уже не употребляется. Оно возводится закономерно к **aryana-*: *ry* дает в осетинском *l*, а перед носовым переходит в *o*. Восстанавливаемое «пра-осетинское» (скифское) **aryana-* может быть только производным от арийского *ari-*, *arya-* «чужой» и пр.

В целом *æcæg-ælon* означает, стало быть, «истинно чужой», «действительно чужой». Прибавление *æcæg* имеет здесь усилительное значение. Вполне аналогичное образование находим в одной из Гат Зороастра: *haiθyō-dvaešah* «истинный враг» (Yasna, 43, 8), Зороастр говорит в этом тексте, что он хотел бы быть *haiθyō-dvaešā* («true-enemy» в переводе M. W. Smith) для приверженцев ложной веры и могучей опорой для праведных. Построенное по этому типу осет. *æcæg-ælon* < **hatyaka-aryana-* можно перевести: «настоящий чужак», «true-stranger». Ср. усилительную функцию английского *true* в таких сочетаниях, как *true-love* «возлюбленный», *true-bred* «чистокровный» и т. п.¹

Осетинский язык, нерушимо сохранив в *æcæg-ælon* первоначальное значение арийского *ari-* «чужой», восполняет недостающее звено в аргументации П. Тиме.

Наряду с *arya-* (с кратким начальным *a*), в арийском существовало *ārya-* (с долгим начальным *a*) в значении «ариец» (см. выше). Производное от него **āryana-* сохранилось в осетинском (в сказках) в закономерной форме *āllon* как самоназвание осетин².

Краткий иранский *a* дает, как правило, осет. *æ*, *ā* дает *a*. Поэтому из **aryana-* имеем **ælon* (в *æcægælon* «чужой»), а из *āryana-* — *al(l)on*. Последний термин (очевидно идентичен со средневековым названием осетин *alan* (лат. *alani* греч. Ἀλανοί).

В. И. Абаев

¹ Авестийское *haiθyō-dvaešah* мы рассматриваем вслед за Бартоломе (см. «Altiranisches Wörterbuch», Strassburg, 1904, стб. 1762) как сложное слово, в противоположность Гумбаху (H. Humbach, Gathisch-awestische Verbalformen II, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Hf. 10, 1957, стр. 34—36).

² В. И. Абаев, указ. соч., стр. 246.